

УДК 94(4):903.59 "1914/1918"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/4

«АЗБУЧНЫЕ ВОЙНЫ» 30–50-х гг. XIX в. В ГАЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Б.П. Савчук¹, Г.В. Билавич²

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Авторское резюме

В статье рассматривается опыт изучения «азбучных войн» 1833–1837 и 1858–1859 гг. в Галиции в ракурсе современного научного дискурса конца 80-х гг. XX – начала XXI в. Обогащению научных исследований проблемы способствует ее рассмотрение в разных тематических векторах. В частности, глубокую традицию в российской историографии имеет биографический аспект изучения национально-культурного движения в Галиции в XIX в. Проведен дискурсивный анализ обозначенной языковой проблемы в ее собственном структурно-функциональном и широком социальном контекстах. В основу анализа многоаспектного научного дискурса положена модель, которая проектирует его изучение на трех уровнях: конкретно-исследовательском (работы, в которых проблема рассматривается непосредственно или как фрагмент широких лингвосоциальных процессов); междисциплинарном (работы по лингвистике и истории тесно переплетены); национальных историографий (украинская, российская, польская, австрийская, немецкая, канадская). Показаны общие тенденции и особенности изучения дилеммы «кириллица или латиница» в национально-культурном движении Галиции в XIX в. лингвистами и историками разных стран.

Ключевые слова: «азбучные войны», кириллица, латиница, русины, Галиция, научный дискурс, историография.

THE “ALPHABET WARS” OF 1830–1850s IN GALICIA IN CONTEMPORARY SCIENTIFIC DISCOURSE

B.P. Savchuk¹, G.V. Bilavych²

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹E-mail: boris_savchuk@ukr.net

²E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Abstract

The article focuses on the “Alphabet wars” of 1833–1837 and 1858–1859 in Galicia from the perspective of the contemporary scientific discourse of the late 1980s – early 21st centuries. The scientific reflections of the problem under study are enriched by the use of various methodologies, including the biographical approach to the national cultural movement in Galicia in the 19th century and a discursive analysis of the language problem in its structural and functional as well as broad social contexts. The analysis of a multidimensional scientific discourse is based on a model that projects its study on three levels: specific research (works in which the problem is viewed directly or as a fragment of broad linguistic social processes), interdisciplinary level (works on linguistics and history are closely intertwined), and national historiographies (Ukrainian, Russian, Polish, Austrian, German, and Canadian). The general tendencies and peculiarities of studying the “Cyrillic or Latin” dilemma in the Galician national and cultural movement of the 19th century are outlined by linguists and historians of different countries. Thus, the “Alphabet wars” in Galicia of the 19th century became the subject of a broad discussion among researchers from different countries. The analysis has shown that Ukrainian and Russian historians study this problem mainly in the context of their branch of knowledge and evaluate its position of national centrism. In contrast, linguists approach this phenomenon on the interdisciplinary level, from the standpoint of pluralism and increasing emphasis on the alphabet and language remaining the main symbol of the Rusin national identity in the context of the borderline position of Galicia and the competition of different religious and cultural discourses. This paradigm has been adopted by Polish, Austrian, German and Canadian reseachers. In general, the role and importance of Cyrillic and Latin in the national and cultural development of the Galician Rusins is being redefined: they cease to be perceived as the opposition of the Ukrainian and Polish national projects, to be considered as factors naturally woven into the Ukrainian ethno-cultural tradition.

Keywords: “Alphabet wars”, Cyrillic, Latin, Rusins, Galicia, scientific discourse, historiography.

Языковые войны – явление древнее, о чем повествует Библия. Они существенно влияют на общественную жизнь государства и взаимоотношения между соседними народами. Отголоски таких даже локальных конфликтов надолго врезаются в историческую память, становятся предметом острых общественно-политических и научных дискуссий национальных элит и историографий.

Таким показательным примером являются «азбучные войны» 1833–1837 и 1858–1859 гг. в Галиции¹, которые определяем как противостояние между разными русинскими (украинскими) лагерями и этнополитическими акторами в отношении попыток ввести в украинскую письменность латинский алфавит вместо кириллицы. Это своеобразное этнолингвистическое явление не имеет аналога в истории развития славянского языкового пространства.

Украинская латиница появилась в XVII в. для транскрибирования записей народного фольклора. В XVIII в. она распространилась на Правобережной Украине, однако ее использование неоднозначно воспринималось «русской» элитой, которая свою языковую и культурную традицию связывала с кириллицей. Это противостояние в общих и специфических чертах проявилось в Галиции, которая с конца XVIII до начала XX в. находилась в составе монархии Габсбургов. Особенности политики Вены относительно ее отдельных регионов, народов, сословий обусловили специфику становления славянских национальных движений. В целом этот процесс соответствовал общей логике политической эмансипации «нетитульных» славянских народов, которые быстро перешли от культурно-романтической стадии развития к созданию национально-политических движений. Важной предпосылкой для такого «пробуждения» стало творчество славянских будителей XVIII – XIX вв. (Бирюков 2018: 202–204).

Сложные и противоречивые процессы замены кириллицы латиницей в славянском и других этнотерриториальных измерениях (Казахстан, Сербия, Черногория, Хорватия, Украина и др.) на рубеже XX–XXI вв. актуализирует осмысление обозначенного опыта Галиции, которая в силу особенностей геополитического и исторического развития аккумулировала межславянские и общеевропейские идеи и влияния.

Цель нашего исследования – осмысление сути и опыта «азбучных войн» в Галиции в XIX в. в ракурсе современного научного дискурса конца 80-х гг. XX – начала XXI в. Учитывая, что наш анализ адсорбирует идеи более чем столетнего общественно-интеллектуального дискурса,

обозначим суть его предыдущих этапов: первый охватывает период двух «азбучных войн» 1833–1837 и 1858–1859 гг., когда появились образцы произведений, напечатанные буквами польской азбуки, и основные лингвистические и публицистические изыскания, которые с позиции историко-культурной ретроспективы и перспективы представляли возможные пути решения этой проблемы; второй – 60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в. – всестороннее осмысление «азбучных войн», что проявилось в издании мемуаров, эпистолярия, источниковедческих и аналитических работ; третий – 50-е – первая половина 80-х гг. XX в., когда в советской и западной историографии обозначились основные фактографические и теоретические контуры исследуемой проблемы.

Характер современного научного дискурса конца 80-х гг. XX в. – начала XXI в. обусловлен глубокими изменениям в постсоветской гуманитаристике, которая представила основной научный контент по проблеме исследования, хотя относительно западной историографии такие параметры весьма условны.

Для анализа этого многоаспектного научного дискурса предлагаем модель, которая проектирует его изучение на трех уровнях: конкретно-исследовательском (работы, где проблема рассматривается непосредственно или как фрагмент широких лингвосоциальных процессов); междисциплинарном (работы по лингвистике и истории тесно переплетены); национальных историографий (украинская, российская, польская, австрийская, немецкая, канадская и др.). За основу анализа взят третий уровень. В его контексте рассмотрим нарративы двух первых уровней.

В силу объективных причин наибольший опыт изучения «азбучных войн» в Галиции накопили украинская историческая наука и языкознание. При этом, с одной стороны, этот опыт представляет общие, характерные для других национальных историографий подходы и тенденции: рассмотрение данного явления в контексте общего национально-культурного возрождения русинов Галиции; акцентирование на влиянии «внешних факторов» и связях со славянскими культурными деятелями; осмысление проблемы сквозь «очки своих национальных парадигм» и др.

С другой стороны, современный украинский дискурс имеет свои особенности. Они связаны с незавершенностью «методологической революции», когда отказ от советской идеологической парадигмы привел к утверждению нациоцентризма, который в значительной мере определяет границы плюрализма и фокус исследования истории украинского общественного движения. В конструировании научных нарративов доминирует позитивистский (источник – факт – обобщение – вывод) подход, а другие методологические подходы еще не

нашли должного применения. При этом растет интерес к научным исследованиям западной науки и др.

В украинской исторической науке сохраняется советская парадигма изучения «азбучных войн» с привязкой к деятельности «Руськой тролицы» и акцентом на борьбе за сохранение кириллицы как «оберега» от полонизации (пример – работы Феодосия Стебля (Стеблій 2003 и др.). При этом начинает доминировать их изучение в контексте развития идейно-политических направлений русинского общественного движения, в первую очередь, русофильства. Важную роль в его утверждении сыграли работы Марьяна Мудрого, Ирины Орлевич, особенно Алексея Сухого, который показал, что актуализация языкового вопроса по линии дилеммы «кириллица – латиница» активизировала развитие национального движения галицких русинов, а вмешательство австрийского правительства и польской краевой администрации в его решение обуславливалось желанием избежать их русификации (Сухий 2003: 70–85).

Обозначившаяся новая тенденция изучения «азбучных войн» в Галиции в XIX в. проявляется в отходе от традиционной рецепции изложения процесса их разворачивания по хронологии выступления сторонников и противников замены кириллицы латиницей с акцентами на обвинениях поляков, венских властей, русофилов в стремлениях полонизировать, ассимилировать, русифицировать русинов края. Начиная доминировать мнения, согласно которым основным источником и мотивом споров по вопросу выбора между двумя алфавитными системами стал поиск самими русинами наиболее приемлемых путей формирования своего литературного языка. Предметно рассматриваются разные варианты его решения самими русинами, а также польскими и австрийскими кругами, славянскими деятелями и др.

Рассматривая с обозначенных позиций азбучно-языковые дискуссии как важную составляющую русинского движения, Игорь Райкивский попытался совместить их традиционную рецепцию с подходами западной научно-исторической методологии (Райківський 2012: 232–238, 373–381).

Среди языковедческих исследований наиболее детальный нарратив по этой проблеме представил Николай Лесюк, который, проанализировав основной массив текстовых документов, воссоздал ее безапелляционную украиноцентрическую версию, не оставив никаких аргументов в пользу замены кириллицы латиницей. Интересной, с научной точки зрения, представляется систематизация автором основных версий (их насчитывают от 5 до 9) сочетания букв и звуков кириллицы и разных графических систем латиницы (Лесюк 2014: 417–492).

Отмечая значительный опыт приоритетного изучения азбучно-языкового вопроса в Галиции в контексте реформирования украинского литературного языка в XIX в. (Василий Грещук, Степан Бевзенко, Евгений Тымченко и др.), акцентируем внимание на походах к его углубленному аспектному изучению. Так, заслуживает внимания работа Владимира Барчука, который предметно проанализировал его фонетический, грамматический, лексический компоненты в контексте развития украинского литературного языка (Барчук 2012).

Эти явления концептуализованы на примере творчества известного польского поэта и фольклориста Льва Венглинского в лингвокультурологическом исследовании Наталии Совтис, которая показала явление симметрии украинских и польских элементов в развитии литературных языков двух народов – их носителей в Галиции в XIX в. В таком ракурсе автор представила малоизвестную разработанную Л. Венглинским систему украинской фонетической орфографии на базе польского алфавита (соответствия: o = o, a = a, e = e, p = p, b = b, y = w), которая предлагала окончания мужского рода глаголов в прошедшем времени, согласно произношению и т. п. (Совтис 2015). Такие новаторские работы позволяют проследить в образах билингвальной традиции украинского-польского пограничья XIX в. ее языковой колорит как фактор взаимодействия украинской и польской языковых картин мира.

Опираясь на опыт изучения двухвековой эволюции украинской латиницы (Ярослав Исаевич и др.), современные ученые (Максим Вакуленко, Максим Лагода, Игорь Черновол, Евгений Тымченко и др.) и системно (Виктор Мойсеенко) предметно обозначили ее историко-лингвистическую рецепцию в фокусе азбучно-правописных дискуссий 30–50-х гг. XIX в. в Галиции. Авторы преимущественно анализировали отдельные графические проекты галицко-русинской латиницы, в основе которых лежали польский, чешский, другие алфавиты или их комбинации (проект Иосифа Иречека). Оцениваются их сильные и слабые стороны с позиций восприятия галицко-русинского литературно-письменного языка как целостной системы и их соответствия ненормативным регионально-письменным языковым особенностям (Мойсеенко 1997; Vakulenko 2004). Проведенная учеными экспертиза существовавших в XIX в. в Галиции отдельных азбучно-графических проектов актуализирует подготовку комплексных компаративистских исследований этой проблемы, что позволит представить ее как целостное уникальное явление в истории славянского языкового контактирования.

Рефлексию современной российской исторической науки исследуемого вопроса наиболее полно отражают работы Нины Пашаевой и

Марии Клоповой. Определив два основных направления национального возрождения русинов Галиции в XIX в., касающиеся изучения их истории и языковой традиции, ученые связывают их развитие с ведущей ролью «Руськой тролицы» и влиянием научных кругов России, в первую очередь Михаила Погодина (Пашаева 2001: 13–29; Клопова 2016: 30–44).

Исходя из анализа проектов наместника Галиции Агенора Голуховского, М.Э. Клопова считает, что именно языковая борьба определила дифференциацию русинского национального движения на три течения. Его участники признавали необходимость «опираться на народный говор», а вопрос о том, что станет основой дополнения к нему – «современный русский литературный язык, украинский язык, находящийся... в стадии формирования, или же т. н. “язычие”», – стал основой более глубокой «дискуссии о национальной самоидентификации восточнославянского населения Австрийской монархии» (Клопова 2016: 43–44).

Проанализировав деятельность галицких будителей, Н.М. Пашаева также связала попытки введения польского алфавита со стремлением польских кругов, а их критику основывает на доводах, изложенных в работах М. Шашкевича, Я. Головацкого и др. Рассматривая стоящие перед ними вопросы: «на каком языке писать?», «какой язык станет литературным?», автор показала отношение к ним видных деятелей славянских стран, Надднепрянской Украины, России. Таким образом, утверждается, что между ними не было существенных разногласий о путях их решения (кириллическая азбука, народный диалект), а антагонизм по этим вопросам возник только в конце 1860-х гг., и в его основе лежали не лингвистические, а политические причины (Пашаева 2001: 13–20, 24–29).

К сожалению, и в российской, и в украинской исторической науке фактически отсутствует междисциплинарный диалог, что сужает возможности научного дискурса по исследуемой проблеме.

Ярким примером преодоления этой ограниченности являются индивидуальные и совместные работы известных ученых историка Алексея Миллера и лингвиста Оксаны Остапчук, которые именно на междисциплинарном уровне представили, по нашему убеждению, наиболее продуктивную и оригинальную концепцию сути, роли и значения азбучно-языкового вопроса в русинском национальном движении Галиции XIX в. и в межславянском языковом контактировании в целом. При ее изучении авторы органически синтезировали пласт различных первоисточников, научный опыт разных национальных историографий. Отказавшись от «очков российского эгоцентризма» (чего часто не хватает украинским ученым), они рассматривают

феномен «азбучных войн» в широком геополитическом контексте, с позиций плюрализма и контрroversивности этнолингвистических процессов.

Согласно концептуальному подходу А. Миллера и О. Остапчук, вопрос выбора между кириллицей и латиницей, как и вопросы орфографии, статуса языка и его применения (запрещения) в разных сферах жизни, стал для русинов Галиции в XIX в. «многозначным символом», который имел «важную этнокультурную и этнорелигиозную нагрузку» и часто играл ключевую роль в утверждении их идентичности, что особенно важно для этого региона как этнокультурного пограничья. Поэтому все языковые споры и политическая борьба относительно его решения разворачивались на «двух сценах» империй Габсбургов и Романовых при участии национальных элит и многих «внеациональных» акторов: польской шляхты, имперских властей, церковных центров, в частности Ватикана (Миллер, Остапчук 2006: 25–26; Миллер 2013: 309–311).

Исходя из анализа ретроспективы использования латиницы и кириллицы в разных украинских этнических регионах, опыта решения языкового вопроса славянскими народами и разных аспектов истории «азбучных войн» в Галиции, А.И. Миллер и О.А. Остапчук внесли важный вклад в формирование новой парадигмы понимания этого феномена. По их мнению, противопоставление кириллицы и латиницы приняло форму осознанной конфронтации национальных атрибутов русинов и поляков. Оно не только охватило алфавит, но и отразилось в оппозиции разных моделей языка и типов литературного стандарта, связанных с различными политическими и национальными дискурсами. Если латиница фиксировала преимущественно народный язык, максимально приближенный к живой разговорной речи (диалект, наречие), то кириллица сигнализировала о введении в текст более традиционных по форме и количеству «церковнославянизмов». В последнем случае алфавит и другие языковые средства были направлены на демонстрацию связи с культурно-церковной традицией (Миллер, Остапчук 2006: 28–35).

Таким образом, ученые обосновывают концепт, согласно которому латиница априори не означала полонизацию и денационализацию русинов Галиции: она в большей мере соответствовала их живому разговорному языку. Этот вывод подтверждают и обстоятельный анализ опыта транслитерации латиницей кириллического письма с учетом трансформационных изменений на уровнях фонетики, морфологии, лексики (Остапчук 2009), и исследования по истории украинского литературного языка, которые показывают, что проблема алфавита никогда не воспринималась только с филологической точки зрения (в

категориях способности латиницы и кириллицы отражать особенности украинской живой речи на письме), а всегда несла эмоциональную, идейную, нравственную нагрузку (Софронова 1997). Поэтому русинская национальная элита отдавала предпочтение переполненной церковнославянизмами кириллице, которую связывала со своей культурно-церковной традицией (Миллер, Остапчук 2006: 28–35).

Обогащению научных рефлексий исследуемой проблемы способствует ее рассмотрение в разных тематических векторах. В частности, глубокую традицию в российской историографии имеет биографический аспект изучения национально-культурного движения в Галиции в XIX в. Значительное место в нем занимает Яков Головацкий. Абстрагируясь от его оценок в разных исторических школах, считаем, что современные российские исследователи явно преувеличивают роль этой незаурядной личности относительно «победы в отстаивании для своего народа кириллицы вместо предлагавшейся властями латиницы». В понимании биографов только один этот факт обеспечивает ему особое место в истории восточнославянских народов (Щавинская 2014: 40). Такая оценка выглядит гиперболизированной в понимании украинской историографии, которая отводит Я. Головацкому маргинальную роль в событиях второй «азбучной войны» и при этом отходит от парадигмы «осуждения» общественных деятелей под углом их принадлежности к русофильскому, полонофильскому и другим идейно-политическим лагерям, которые рассматриваются как проявления естественного развития национального движения русинов Галиции в XIX в.

Мы ограничиваемся акцентами на наиболее характерных и продуктивных наработках западных ученых по исследуемой проблеме с позиций их сравнения украинскими и российскими лингвистами, историками.

По духу и содержанию наиболее близка к ним польская историография, которая также имеет глубокую традицию изучения истории языкового вопроса в Галиции в XIX в. Заслуживает внимания работа Яна Козика про русинское национальное движение 1830–1848 гг. в Галиции, которая оказала существенное влияние на развитие советской и постсоветской историографии по этому вопросу. Она способствовала утверждению подхода к изучению противостояния между кириллицей и латиницей сквозь призму деятельности «Руськой троицы», ее связей со славянскими культурными деятелями, контактами галицких русинов с Надднепрянской Украиной и Россией. Автор представил один из первых детальных нарративов развития украинского литературного языка на основе языка народного или «традиционного» (церковнославянского). Не преувеличивая вли-

яния польской культуры на языковые перипетии в среде русинов, Я.Кози́к показал, что их элита полонизировалась в силу исторических обстоятельств, поэтому объективно тяготела к замене кириллицы «абecedлом» (Kozik 1973: 136–204). Эту реальность игнорировали советские авторы, и только в 90-х гг. XX в. ее начала воспринимать украинская историография.

Позиция современной польской историографии относительно роли и места «азбучных войн» в национальном движении русинов Галиции XIX в. в общих чертах отражена в монографии Адама Святека. Автор рассматривает этот феномен как важный фактор их национально-культурного самоопределения и идентичности. Исходя из «некодифицированности» языка русинов Галиции и усиливающихся расхождений между их книжным и разговорным языком, ученый показал, что этот вопрос стал ключевым во время «азбучной войны» 1859 г., которая выдвинула три возможных пути его решения с соответствующими последствиями: 1) переход на использование гражданского шрифта, что означало сближение русинского и русского языков; 2) создание на основе кириллицы нового алфавита, который бы отражал живой народный язык; 3) переход на латинский алфавит, что означало утверждение принципа «gente Rutheni, natione Poloni» («происхождение русинов, нация польская»). За их реализацию выступали разные стороны конфликта, но ни один из вариантов не был воплощен, что впоследствии проявлялось в сфере образования, политики, издательской деятельности, в церковной и других сферах общественной жизни (Świątek 2014: 252–257).

Такие непредубежденность и готовность рассматривать альтернативные варианты развития событий в их причинно-следственных связях должны присутствовать и в современном украинском и российском историческом дискурсе.

Эти черты характерны для работы Дагмары Новацкой, которая представила наиболее полную рецепцию «азбучных войн» в современной польской историографии: она акцентировала внимание на доводах известных славянских деятелей относительно целесообразности введения вместо несоответствующей фонетической системе русинского языка «мертвой» кириллицы «польского абecedла», которое, по их мнению, было более рациональным и приспособленным для обучения. Представленная автором многоаспектная версия дилеммы «азбука или абecedло» подтверждает, что она априори не имела «единого правильного решения», а ее неразрешенность постоянно сказывалась не только на формировании литературного языка галицких русинов, но и на других сферах их общественной жизни (Nowaska 2014).

Среди польских лингвистов заслуживают внимания взгляды Камила Дворника. Ученый обстоятельно представил аргументы Иосифа Левицкого, активного участника первой «азбучной войны», как самого влиятельного критика идей латинизации. Примечательно, что при их рассмотрении автор апеллировал к практически не представленному в научном дискурсе по исследуемой проблеме опыту волохов (румын), которые, будучи «среди наследников латыни, решили заменить кириллицу на модифицированную латиницу», а также польских крестьян, которые испытывали определенные трудности при чтении написанных латиницей литературных текстов, потому что они не соответствовали народному говору. Также была обоснована критика И. Левицким выдвинутых деятелями «Руськой троицы» проектов использования «гражданки» и новой орфографии, основанной на фонетическом принципе кодификации (Dwornik 2016).

Интересен и представленный К. Дворником сравнительный анализ словенской «азбучной войны» 1830–1933 гг. и русинской 1833–1937 гг. С одной стороны, они поразительно похожи, о чем свидетельствуют проекты «сторонников идей романтизма» Франца Метелки и Петра Дайнки по реформированию словенской грамматики (отстаивали принцип «один звук – одна буква») и протесты «консервативной оппозиции», которая критиковала их за «произвольное навязывание букв, адаптированных только к одному диалекту». С другой стороны, рассматривая «азбучные войны» словенцев и русинов как важные составляющие процесса формирования европейских наций, автор показал существенные различия между ними. Если этнически и политически доминирующие на своей территории словенцы в таких исследованиях могли опираться на опыт фонетических систем местных немцев и итальянцев, не опасаясь ассимиляции с их стороны, то русины Галиции, хотя и проживали компактно на своей этнической территории, не были господствующей нацией. А польская шляхта считала их язык «польским диалектом», поэтому именно он оставался главным культурным маркером, который утверждал различия между этими народами и стал важным средством в борьбе против латинизации, которая угрожала полной денационализацией (Dwornik 2013).

Опыт такого компаративистского анализа побуждает более активно отказываться от национального эгоцентризма и смотреть на языковую проблему шире, учитывая при этом идентичные процессы, которые переживали другие славянские народы монархии Габсбургов.

Результаты изысканий ряда западных ученых стали более известными в постсоветском научном дискурсе благодаря переводам их работ на украинский и русский языки. Поэтому обратим внимание на

их продуктивные концептуальные идеи и методологические подходы к изучению истории «азбучных войн» в Галиции в 30–50-х гг. XIX в.

Примечательным явлением в этом дискурсе стало творчество известного австрийского ученого, специалиста в области восточнославянского языкознания Михаэля Мозера. Более чем в двух десятках его общих и специальных работ нашли отражение оригинальные размышления относительно роли и места исследуемого феномена в истории развития славянских языков и украинского литературного языка, понимания его причин, сути, характера, результатов и значения. Они отличаются глубоким контент-анализом текстовых документов участников азбучно-языковых дискуссий и их первых интерпретаторов второй половины XIX в.

Следует прислушаться к призыву М. Мозера отказаться от стереотипов акцентирования на отрицательных аспектах «азбучных войн» как «наступления на украинскую идентичность, на кирилличную азбуку», а вместо этого рассматривать их как «оживленные дискуссии» и «великое продвижение». Необходимо понять «положительный потенциал» этих конфликтов, которые имели колоссальное влияние на развитие не только языково-литературного, но всего культурно-общественного процесса русинов Галиции (Мозер 2017).

Работы М. Мозера побуждают шире посмотреть на предпосылки азбучно-языковых баталий в Галиции, которые были вызваны не только внутренними причинами, именно полонизацией русинской элиты. Важным стимулом к замене кириллицы латиницей стала русинско-польская революционная литература 1830–1848 гг., распространению которой способствовали три предпосылки: идеологическая (отражает суть «языкового полонофильства»: польский язык следует рассматривать как естественный язык образования русинов, а русинский язык по отношению к польскому – как диалект); лингвистическая (переполненность полонизмами текстов на русинском языке); «лингвистическая экспансия» польской революционной литературы на русинском языке, которая, однако, вызвала ответную реакцию и привела к его признанию в 1848 г. одним из официальных языков монархии Габсбургов (Moser 2001).

Оценивая итоги и значение «азбучных войн», М. Мозер обращает внимание на то, что, выйдя за рамки дискуссии об алфавите, они способствовали всестороннему переосмыслению языкового вопроса. Под их влиянием кириллица стала восприниматься галицкими русинами как самый яркий традиционный символ их национальной идентичности, от которого нельзя отказаться. Именно такое символическое значение стало основным аргументом сторонников кириллицы, хотя латиница имела перед ней объективные преимущества языкового и

общекультурно характера (Мозер 2011: 323–324; 472; Moser 2003: 324–325).

В современной немецкой историографии заслуживают особого внимания работы двух известных специалистов по вопросам истории Украины и Восточной Европы – Анны Вероники Вендланд и Кайя Струве. Реализуя свою версию изучения азбучно-языковой борьбы в контексте системного исследования феномена галицкого русофильства (консерватизма) XIX в., А.В. Вендланд показала, что основные конфликтные направления обозначились уже в первой половине 1830-х гг. и в дальнейшем они определяли все дискуссии относительно языка, литературы и культурных ориентиров. Автор смоделировала сложный «языково-политический» клубок, в котором цели «традиционалистов» и «фонетистов» пересекались в их желаниях реформировать грамматику, чтобы создать литературный язык, который бы поставил украинскую культуру на уровень с немецкой и польской, и упорядочить ее таким образом, чтобы сохранился живой, природный украинский литературный язык. Исследователь показала, что каждый из вариантов давал определенные политические преференции и использовался как знамя, вокруг которого в политическом противостоянии группировались представители отдельных направлений – «русины», «московиты», поляки; «старые» и «молодые» русины; «национальные популисты» и др. (Вендланд 2015: 58–64).

Исходя из постулата «язык как средство и фактор политики», А.В. Вендланд подошла к анализу перипетий второй «азбучной войны». В отличие от преобладающих в постсоветской историографии акцентов на отдельных личностях, автор сместила их в плоскость «какофонии» противостояния между отдельными лагерями: национально-политическими (русины, поляки) и государственными (Австрийская, Российская монархии). Связанные таким образом события и процессы трактуются как «русофильское сопротивление государственной языковой политике» (Вендланд 2015: 111–127), а не в традиционной обратной проекции как наступление поляков и правительства против русофильства.

Исследование К. Струве интересно тем, что, в отличие от упомянутых обобщающих работ (А.В. Вендланд, Я. Козик, И. Райкивский и др.), азбучно-языковое противостояние интерпретируется не в контексте национально-политического движения национальной элиты и правящих кругов Галиции, а в ключе жизни крестьянства. Ученый считает, что антагонизм между идентичностью польских крестьян и польской элиты, которая отстаивала свои социальные интересы, отсутствовал в общественном движении русинов, развивавшимся в направлении социального и национального освобождения села. Поэтому, если это

противостояние середины 1830-х гг. охватило только интеллигенцию, то попытки краевой администрации и правительства заменить кириллицу латиницей в конце 1850-х гг. уже вызвали горячие протесты среди малограмотных русинов-крестьян, которые восприняли их как реальную угрозу сохранению собственной веры, обряда и (пусть даже скудной) системы народного образования (Struve 2005: 378–381).

Американские и канадские ученые рассматривают исследуемую проблему не как представители народов, государств, которые были причастны к культурно-национальному развитию русинов Галиции или других славянских народов империи Габсбургов в XIX в., а исходя из концептов мультикультурности и изучения феноменов этнокультурного пограничья.

Представляет интерес научный опыт известного исследователя русинства и истории славянских народов канадского историка Пола Роберта Магочия. Современные украинские и российские ученые активно используют предложенные им схемы разделения участников языковых дискуссий в Галиции в XIX в. на «традиционалистов» и «модернистов», которые предлагали разные пути реформирования украинского литературного языка. Однако менее популярной остается версия ученого о происхождении термина «война русинского алфавита» (аналог понятия «словенская азбучная война», которое использовали словенские деятели и германоязычная пресса) (Magocsi 1982: 222–223; Magocsi 1983: 111–112). Остается невыясненным вопрос, когда, каким образом понятие «азбучная война» проникло в научный обиход, поэтому многие ученые его появление связывают с работами Ивана Франко.

Центральное место в осмыслении П.Р. Магочием азбучно-языковых перипетий в Галиции в XIX в. отводится внутренним противоречиям и желаниям представителей русинской интеллектуальной элиты, и уже сквозь эту призму рассматриваются влияния разных внешних акторов (поляки, Вена, Россия, славянские деятели и др.). Ученый считает, что на «стадии собирания наследия», которую они проходили в своем национально-культурном развитии, именно язык и азбука, в большей мере, чем история, этнография, литература, определяли их этническую идентичность (Magocsi 1982; Magocsi 1996).

Таким образом, «азбучные войны» в Галиции в XIX в. стали предметом широкой дискуссии ученых разных стран. Результаты анализа показали, что украинские и российские историки изучают эту проблему преимущественно в контексте своей отрасли знаний и оценивают ее с позиции национализма. В отличие от них, лингвисты подходят к осмыслению этого феномена на междисциплинарном уровне, с позиций плюрализма и усиления внимания на том, что в

условиях пограничного положения Галиции и конкуренции разных религиозно-культурных дискурсов алфавит / язык оставался главным символом национальной идентичности русинов. Утверждению такой парадигмы способствуют работы польских, австрийских, немецких, канадских ученых. В целом происходит переосмысление роли и значения кириллицы и латиницы в национально-культурном развитии русинов Галиции: они перестают восприниматься в категориях противопоставления украинского и польского национальных проектов, а рассматриваются как факторы, которые были естественным путем вплетены в украинскую этнокультурную традицию.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В современной научной русскоязычной литературе для обозначения региона употребляют термины «Галиция» и «Галичина» (см.: Пашаева 2001; Суляк 2019). В данной работе мы используем первый вариант, который соответствует его официальному названию в исследуемый период «Королевство Галиции и Лодомерии» (нем. *Königreich Galizien und Lodomerien*) и современными работами ученых о терминологии Карпатской Руси (Суляк 2019).

ЛИТЕРАТУРА

Барчук 2012 – *Барчук М.В.* Розвиток української літературної мови в Галичині середини XIX ст.: фонетика, граматики, лексика: дис. ... канд. філол. наук. Івано-Франківськ, 2012. 217 с.

Бирюков 2018 – *Бирюков С.В.* Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос // *Русин*. 2018. № 3 (53). С. 193–209. DOI: 10.17223/18572685/53/11

Вендланд 2015 – *Вендланд А.В.* Русофіли Галичини. Українські консерватори між Австрією та Росією, 1848–1915. Львів: Літопис, 2015. 688 с.

Клопова 2016 – *Клопова М.Э.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.

Лесюк 2014 – *Лесюк М.* Становлення і розвиток української літературної мови в Галичині. Івано-Франківськ: Місто НВ, 2014. 732 с.

Миллер, Остапчук 2006 – *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // *Славяноведение*. 2006. № 5. С. 25–48.

Миллер 2013 – *Миллер А.* Украинский вопрос в Российской империи. Київ: Laurus, 2013. 416 с.

Мозер 2011 – *Мозер М.* Причинки до історії української мови. Вінниця: Нова Книга, 2011. 848 с.

Мозер 2017 – *Мозер М.* Про «Руську Трійцю» і її роль в історії української мови. URL: argumentua.com/stati/m-khael-mozер-pro-rusku-tr-itsyu-rol-v-stor-ukra-nsko-movi (дата обращения: 19.01.2019).

Мойсеєнко 1997 – *Мойсеєнко В.* Про одну спробу латинізації українського письма // Культурологічний часопис «І». Львів, 1997. № 9. С. 140–147.

Остапчук 2009 – *Остапчук О.* Післямова до «азбучної війни»: кириличне видання творів Тимка Падури // Українська мова. 2009. № 2. С. 26–48.

Пашаєва 2001 – *Пашаєва Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. 201 с.

Райківський 2012 – *Райківський І.* Ідея української національної єдності в громадському житті Галичини XIX ст. Івано-Франківськ, 2012. 930 с.

Софронова 1997 – *Софронова Л.* Функция границы в формировании украинской культуры XVII–XVIII вв. // Россия-Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 101–113.

Совтис 2015 – *Совтис Н.М.* Поетична мова Л. Е. Венгліньського в контексті лінгвокультурного діалогу України та Польщі. Київ: Едельвейс, 2015. 352 с.

Стеблій 2003 – *Стеблій Ф.І.* Предтеча «Руської Трійці». Львів, 2003. 96 с.

Суляк 2019 – *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

Сухий 2003 – *Сухий О.М.* Від русофільства до москвофільства. Львів, 2003. 498 с.

Щавинская 2014 – *Щавинская Л.Л.* Яков Головацкий как исследователь восточнославянских книжных культур // Славянский мир в третьем тысячелетии. М.: ИСЛ РАН, 2014. С. 35–46.

Dwornik 2013 – *Dwornik K.* Słoweńska «abecedna wojna» i pierwsza ukraińska «азбучна війна» w Galicji – próba porównania // Slovanský svět: Známý či neznámý. Praha: Pavel Mervart, 2013. S. 119–126.

Dwornik 2016 – *Dwornik K.* Stanowisko ks. Jósya Łewyckiego (1801-1860) w sporze o alfabet języka ruskiego (ukraińskiego) w Galicji w latach 30. i 40. XIX wieku // Acta Polono-Ruthenica. 2016. № 21. S. 17–27.

Kozik 1973 – *Kozik J.* Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830–1848. Kraków, 1973. 308 s.

Magocsi 1982 – *Magocsi P.R.* The Language Question as a Factor in the National Movement // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia. Cambridge, 1982. P. 220–238.

Magocsi 1983 – *Magocsi P.R.* Galicia: A Historical Survey and Bibliographical Guide. Toronto: University Press, 1983. 299 p.

Magocsi 1996 – *Magocsi P.R.* A History of Ukraine. Toronto; Buffalo; London, 1996. 784 p.

Moser 2001 – Moser M. Zwei «ruthenische» (ukrainische) Erstlesefibeln aus dem österreichischen Galizien und ihre sprachliche Konzeption // Wiener Slavistisches Jahrbuch 47. 2001. P. 93–122.

Moser 2003 – Moser M. Das Ukrainische «Ruthenische» der galizischen Polen und Polonophilen zwischen 1830 und 1848/1849 // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2003. Bd. 62, Hf. 2. P. 311–358.

Nowacka 2014 – Nowacka D. Azbuka czy abecadło? Droga do ukraińskiego języka literackiego w Galicji pierwszej połowy XIX wieku // Studia wschodniosłowiańskie: literatura i język. Zielona Góra: Morpho, 2014. S. 342–394.

Struve 2005 – Struve K. Bauern und Nation in Galizien. Über Zugehörigkeit und soziale Emanzipation im 19. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 285 s.

Świątek 2014 – Świątek A. Gente Rutheni, nazione Poloni. Z dziejów Rusinów narodowości polskiej w Galicji. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2014. 510 s.

Vakulenko 2004 – Vakulenko M. Simple-correspondent transliteration through a Slavonic Latin alphabet // Journal of Language and Linguistic Studies. 2004. Vol. 3. P. 213–228.

REFERENCES

Barchuk, M.V. (2012) *Rozvitok ukraïns'koï literaturnoi movi v Galichini seredini XIX st.: fonetika, gramatika, leksika* [Development of the Ukrainian literary language in Galicia in the middle of the nineteenth century: phonetics, grammar, vocabulary]. Philology Cand. Diss. Ivano-Frankivsk.

Biryukov, S.V. (2018) The Austro-Hungarian Empire, the genesis of national movements and the Rusinian question. *Rusin*. 53 (3). pp. 193–209 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/11

Vendland, A.V. (2015) Rusofili Galichini. Ukraïns'ki konservatori mizh Avstrieyu ta Rosiyeu, 1848–1915 [The Rusophiles of Galicia. Ukrainian conservatives between Austria and Russia, 1848–1915]. Lviv: Litopis.

Klopova, M.E. (2016) *Rusiny, russkie, ukraintsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavianskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka* [National movements of the Eastern Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th century]. Moscow: Indrik.

Lesyuk, M. (2014) *Stanovlennya i rozvitok ukraïns'koï literaturnoi movi v Galichini* [Formation and development of the Ukrainian literary language in Galicia]. Ivano-Frankivsk: Misto NV.

Miller, A.I. & Ostapchuk, O.A. (2006) Latinitsa i kirillitsa v ukrainskom natsional'nom diskurse i yazykovoy politike Rossiyskoy i Gabsburgskoy imperiy [The Latin and Cyrillic alphabets in the Ukrainian national discourse and language policy of the Russian and Habsburg empires]. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 25–48.

Miller, A. (2013) *Ukrainskiy vopros v Rossiyskoy imperii* [Ukrainian issue in the Russian Empire]. Kyiv: Laurus.

Mozer, M. (2011) *Prichinki do istorii ukrains'koi movi* [On the history of the Ukrainian language]. Vinnytsia: Nova Kniga.

Mozer, M. (2017) *Pro "Rus'ku Triytsyu" i ii rol'v istorii ukrains'koi movi* [About the "Russian Trinity" and its role in the history of the Ukrainian language]. [Online] Available from: argumentua.com/stati/m-khael-mozer-pro-rusku-tr-itsyu-rol-v-stor-ukra-nsko-movi (Accessed: 19th January 2019).

Moyseenko, V. (1997) *Pro odnu sprobu latinizatsii ukrains'kogo pis'ma* [On one attempt of latinization of the Ukrainian alphabet]. *Kulturolozhichniy chasopys "I"*. 9. pp. 140–147.

Ostapchuk, O. (2009) *Pislyamova do "azbuchnoi viyni": kirilichne vidannya tvoriv Timka Paduri* [Afterword to the "Alphabet War": Cyrillic Edition of works by Tymko Padura]. *Ukrains'ka mova*. 2. pp. 26–48.

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: IT.

Raykivskiy, I. (2012) *Ideya ukrains'koi natsional'noi ednosti v gromads'komu zhitti Galichini XIX st.* [The idea of Ukrainian national unity in the public life of Galicia in the 19th century]. Ivano-Frankivsk: [s.n.].

Sofronova, L. (1997) *Funktsiya granitsy v formirovanii ukrainskoy kul'tury XVII–XVIII vv.* [The function of the border in the formation of Ukrainian culture in the 17th – 18th centuries]. In: Miller, A.I., Reprintsev, V.F. & Florya, B.N. (eds.) *Rossiya-Ukraina: istoriya vzaimootnosheniy* [Russia – Ukraine: The History of Relations]. Moscow. pp. 101–113.

Sovtis, N.M. (2015) *Poetichna mova L. E. Venglins'kogo v konteksti lingvokul'turnogo dialogu Ukraini ta Pol'shchi* [L.E. Venglinsky's poetic language in the context of linguistic and cultural dialogue between Ukraine and Poland]. Kyiv: Edel'veys.

Stebliy, F.I. (2003) *Predtecha "Rus'koi Triytsi"* [Forerunner of the "Russian Trinity"]. Lviv: [s.n.].

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

Sukhiy, O.M. (2003) *Vid rusofil'stva do moskvofil'stva* [From Russophilism to Muscophilism]. Lviv: Lviv National University.

Shchavinskaya, L.L. (2014) *Yakov Golovatskiy kak issledovatel' vostochnoslavianskikh knizhnykh kul'tur* [Yakov Holovatsky as a researcher of Eastern Slavic book cultures]. In: Uzeneva, E.S. (ed.) *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii* [Slavic World in the Third Millennium]. Moscow: RAS. pp. 35–46.

Dwornik, K. (2013) *Słoweńska "abecedna vojna" i pierwsza ukraińska "azbuchna viyna" w Galicji – próba porównania* [Slovenian "abecedna vojna" and first Ukrainian "azbuchna viyna" in Galicia – an attempt to compare]. In: Kedron, K. (ed.) *Slovanský svět: Známý či neznámý*. Prague: Pavel Mervart. pp. 119–126.

Dwornik, K. (2016) Stanowisko ks. Józefa Łewyckiego (1801-1860) w sporze o alfabet języka ruskiego (ukraińskiego) w Galicji w latach 30. i 40. XIX wieku [Position of priest Joseph Levytsky (1801–1860) in a dispute over the alphabet of the Russian (Ukrainian) language in Galicia in the 1830s and 1840s]. *Acta Polono-Ruthenica*. 21. pp. 17–27.

Kozik, J. (1973) *Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830–1848* [The Ukrainian national movement in Galicia in 1830–1848]. Kraków: [s.n.].

Magocsi, P.R. (1996) *A History of Ukraine*. Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press.

Magocsi, P.R. (1983) *Galicia: A Historical Survey and Bibliographical Guide*. Toronto: University Press.

Magocsi, P.R. (1982) The Language Question as a Factor in the National Movement. In: Markovits, A.S. & Sysyn, F.E. (eds) *Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia*. Harvard University Press. pp. 220–238.

Moser, M. (2003) Das Ukrainische “Ruthenische” der galizischen Polen und Polonophilen zwischen 1830 und 1848/1849. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 62(2). pp. 311–358.

Moser, M. (2001) Zwei “ruthenische” (ukrainische) Erstlesefibel aus dem österreichischen Galizien und ihre sprachliche Konzeption. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 47. pp. 93–122.

Nowacka, D. (2014) Azbuka czy abecadło? Droga do ukraińskiego języka literackiego w Galicji pierwszej połowy XIX wieku. In: Ksenicz, A. (ed.) *Studia wschodniosłowiańskie: literatura i język*. Zielona Góra: Morpho. pp. 342–394.

Struve, K. (2005) *Bauern und Nation in Galizien. Über Zugehörigkeit und soziale Emanzipation im 19. Jahrhundert*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Świątek, A. (2014) *Gente Rutheni, nazione Poloni. Z dziejów Rusinów narodowości polskiej w Galicji*. Kraków: Księgarnia Akademicka.

Vakulenko, M. (2004) Simple-correspondent transliteration through a Slavonic Latin alphabet. *Journal of Language and Linguistic Studies*. 3. pp. 213–228.

Савчук Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Boris P. Savchuk – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: boris_savchuk@ukr.net

Билавич Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Galyna V. Bilavych – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: ifosuhcvas@gmail.com